

Г. Е. ЛЕБЕДЕВА

КОДЕКСЫ ФЕОДОСИЯ
И ЮСТИНИАНА ОБ ИСТОЧНИКАХ РАБСТВА

Проблема рабства — одна из основных и важнейших проблем истории поздней Римской империи — ранней Византии. Роль рабов в жизни ранневизантийского общества, а следовательно, и характер последнего по-разному оцениваются как зарубежными, так и советскими исследователями. Все это делает необходимым и актуальным дальнейшее изучение роли рабства и его эволюции в жизни ранневизантийского общества IV—VI вв. Вопрос об источниках рабства становится при этом ключевым, исходным для решения данной проблемы¹.

Кодексы Феодосия и Юстиниана, содержащие свыше 500 законов о рабах, дают очень важный материал, касающийся рабства вообще и источников рабства в частности².

В подходе к изучению вопроса об источниках рабства можно констатировать определенные сдвиги. Центр тяжести исследования все более перемещается от непосредственного их изучения к выяснению отношения к ним государства, степени заинтересованности различных кругов общества в их использовании. Именно в этом направлении изучались в последние годы наиболее важные статьи Кодексов Феодосия и Юстиниана, вокруг этих вопросов развернулись наиболее острые дискуссии³.

¹ См. *Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова*. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, стр. 14—26; *Е. М. Штаерман*. Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 98—99; *ее же*. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 506; *А. Р. Корсунский*. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. — ВДИ, 1954, № 2, стр. 49; *Е. Э. Липшиц*. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. — ВДИ, 1955, № 4, стр. 65; *З. В. Удальцова*. Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана). — ВВ, XXIV, 1964, стр. 5—6; *ее же*. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. — ВВ, V, 1952, стр. 17; *ее же*. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 459 сл.; *Е. С. Голубцова*. Сельская община в Малой Азии (III в. до н. э. — III в. н. э.). М., 1972, стр. 111. *W. L. Westermann*. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 84; *A. H. M. Jones*. The Later Roman Empire. Norman, 1964, p. 794, 851—856; *M. I. Finley*. Slavery in classic al antiquity. Views and controversies. Cambridge, 1960.

² Corpus Juris Civilis, t. II. Codex Justinianus, ed. Krueger. Berolini, 1954 (далее—СJ); Codex Theodosianus ed. Th. Mommsen et E. Meyer. Berolini, 1905 (далее—СТh). См. *Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова*. Указ. соч., стр. 24; *З. В. Удальцова*. Положение рабов..., стр. 3—5; *ее же*. Законодательные реформы Юстиниана. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 9—10; *L. Wenger*. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953, S. 539.

³ По мнению одних исследователей, сокращение использования различных источников рабства произошло потому, что «потребность в притоке новых рабов не ощущалась» (*Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова*. Указ. соч., стр. 16). Ср. *Е. Э. Липшиц*. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазиатских провинциях Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 37;

Источники рабства можно разделить на внешние (захват рабов-военнопленных, импорт рабов) и внутренние (естественный прирост рабов и «обращение в рабство... вследствие различных неблагоприятных обстоятельств и условий жизни» — *servi autem nascuntur aut fiunt*)⁴. С развитием колоната постепенное снижение интереса к сохранению рабства бесспорно. Однако этапы этого процесса дискуссионны. Не приходится спорить с выводами о сокращении в I—III вв. значения внешних источников рабства и, соответственно, возрастания внутренних⁵. Однако мысль о том, что падение интереса к внешним источникам связано только с внутренними, хозяйственными мотивами, ослаблением значения рабского труда, нам представляется спорной, так же как и стремление связывать упадок рабства и рабовладельческого хозяйства с чисто внешними причинами, сокращением притока рабов извне и с вздорожанием рабской силы⁶. Очевидно, правильнее говорить о взаимодействии внешних и внутренних факторов.

В современной историографии данного вопроса можно выделить ряд проблем. Прежде всего — вопрос о внешних источниках рабства и степени заинтересованности в их использовании⁷. Старая концепция, которой придерживался У. Уэстерманн, придавала особенно большое значение внешним источникам⁸. Упадок рабства во многом объяснялся сокращением притока извне дешевой рабской силы, ростом цен на рабов и стоимости самого рабского труда⁹. Однако некоторые исходные пункты этой теории (в частности, повышение цен на рабов и др.) были — и достаточно обоснованно — поставлены под сомнение.

Изучение внутренних, экономических аспектов развития рабства¹⁰ показало, что не только внешние, но и внутренние факторы влияли на изменение отношения к внешним и внутренним источникам рабства. В ряде работ, где исследовался рабский труд, была показана не только возможность увеличения производительности этого труда при определенных формах его организации, но и обусловленное ими возрастание интереса к большему использованию внутренних источников рабства, т. е. к внутреннему воспроизводству рабской силы¹¹. Таким образом, сокращение использования внешних источников рабства могло быть и, очевидно, было обусловлено не только внешними факторами (влияние которых, на наш взгляд, также никак нельзя сбрасывать со счетов), но и внутренними¹². Причем влияние последних нельзя прямо связывать только с кризисом рабства и прямым падением заинтересованности в использовании труда рабов вообще. С распространением определенных форм ор-

---

Д. Ангелов. О некоторых проблемах социально-экономического развития Юго-Восточной Европы во II—V вв. и перехода от античности к средневековью. — «XIII Международный конгресс исторических наук. Доклады». М., 1970, стр. 6 и др. По мнению других, в империи и в поздний период ощущалась «нехватка рабов» (А. Н. М. Jones. *Op. cit.*, p. 855).

⁴ *Corpus Juris Civilis*, t. I, *Institutiones*. Berolini, 1954 (далее — *Inst.*), I, 3, 4; W. W. *Buckland*. *The Roman Law of Slavery*. Cambridge, 1908, p. 396—397.

⁵ Для I—III вв. см. А. Р. Корсунский. Указ. соч., стр. 49; для IV—V вв. см. W. L. *Westermann*. *Op. cit.*, p. 96.

⁶ См. А. Н. М. Jones. *Op. cit.*, p. 851—852; Критику этих точек зрения см., например, А. П. Каждан. Кризис и падение Римской империи. — ВДИ, 1966, № 1, стр. 131 сл.

⁷ H. *Volkmann*. *Die Massenversklavungen der Einwohner eroberter Städte in der hellenistisch-römischen Zeit*. Mainz, 1961, P. I, S. 115—242.

⁸ W. L. *Westermann*. *Op. cit.*, p. 101.

⁹ *Ibid.*, p. 3. Аналогичной точки зрения придерживаются и многие современные исследователи. См., например, А. Н. М. Jones. *Op. cit.*, p. 852.

¹⁰ В. И. Кузицин. Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н. э. — I в. н. э. — V Международный конгресс экономической истории». М., 1970; см. выше, прим. 1.

¹¹ См. М. Я. Сюзюмов. Трудовые конфликты в Византии, стр. 72—73.

¹² М. Е. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 14—25.

ганизации хозяйства становилось все более возможным и экономически целесообразным, способствующим повышению производительности труда рабов, более разумным внутреннее воспроизводство рабской силы, использование рожденных и выращенных в имении рабов¹³.

Развернувшаяся в последнее время дискуссия о производительности рабского труда и изучение соответствующих материалов показали, что отнюдь не были исчерпаны и активно использовались хозяйственно-организационные пути повышения производительности этого труда (углубление специализации и т. п.)¹⁴. При том, что происходил естественный упадок мелких рабовладельческих хозяйств и рост средних и крупных, возможности для более эффективного разделения труда, использования рабов разных возрастов, специализации и пр. возрастали, а не уменьшались. Все это, при падении стабильного внешнего поступления дешевой рабской силы, делало экономически целесообразным и расширение внутреннего воспроизводства рабской силы (более раннее использование труда малолетних рабов на разного рода легких, вспомогательных работах, более значительных по объему в средних хозяйствах, более ранняя и более глубокая специализация и т. д.)¹⁵.

Таким образом, некоторое снижение интереса к внешним источникам рабства совсем необязательно должно рассматриваться как прямое свидетельство кризиса рабовладельческих отношений и их упадка.

В то же время не следует и переоценивать возрастание интереса и увеличение размеров внутреннего воспроизводства рабов. Внешние источники всегда были одним из важнейших средств пополнения рабов и одним из бесспорных показателей характера общества и степени развития рабовладельческих отношений в нем, ибо пополнение рабской силы извне было необходимым при существовании развитых рабовладельческих отношений. Поэтому мы не можем сбрасывать их со счетов.

Даже исследователи, признающие относительный рост использования внутренних источников, связывают роль внешних источников с эволюцией рабовладельческих отношений¹⁶. Значение внешних источников рабства, и прежде всего военного захвата рабов, по-видимому, нельзя определить только на основании прямого анализа и суммирования фактов о том, как использовались военнопленные. Этот материал позволяет сделать самые различные выводы. По мнению одних, он свидетельствует, что интерес к внешним источникам рабства к началу IV в. упал и большинство военнопленных уже тогда обращалось в колонов¹⁷. По мнению других, указанная граница передвигается к IV — началу V в., когда внешние источники уже утратили свое значение¹⁸. По мнению третьих, еще и в VI в. они оставались важным источником поступления именно рабской силы в империю¹⁹.

¹³ Там же, стр. 56; В. И. Кузицин. Указ. соч., стр. 18.

¹⁴ См., например: S. Lauffer. Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt. — «XI-e Congrès International des Sciences historiques. Stockholm, 21—28 VIII 1960. Rapports, II. Antiquité», Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1960, S. 71—97; Критику его выводов о производительности рабского труда см. Г. Г. Дилигенский. Проблемы истории античного рабства на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме. — ВДИ, 1961, № 2, стр. 124—138.

¹⁵ М. А. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 14—15.

¹⁶ Там же, стр. 24; А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 855. W. L. Westermann. Op. cit., p. 84 и др.

¹⁷ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 24.

¹⁸ Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 65; Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 5—6 и др.

¹⁹ З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии в VI в., стр. 5—6; «завоевательные войны Юстиниана обеспечили постоянный и широкий приток рабов в империю». См. ее же. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, стр. 17; ее же. Италия и Византия в VI в., стр. 459. Ср. А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 853; Procopii Caesariensis Bellum Vandalicum, rec. J. Hauriy. Lipsiae, 1905, II, 24, 14.

Речь, однако, идет не столько о суммировании тех или иных фактов, сколько о том, как общество относилось к внешним источникам рабства, насколько оно было заинтересовано в них.

Аналогично ставится вопрос и о внутренних источниках рабства. Каковы они? Каково было их значение и отношение к ним? Насколько активно стремились их использовать именно для увеличения числа рабов?

В последний период существования рабовладельческого общества, естественно, большое значение имело пополнение рабочей силы за счет свободных. Но можно ли говорить о тенденции к тому, что свободных старались обратить именно в рабов? Можно ли говорить о том, что общество IV—VI вв. все же стремилось использовать имевшиеся у него возможности для сохранения рабовладельческих отношений, или общие тенденции были уже иными? Вопрос об отношении к порабощению свободных в этом аспекте, на наш взгляд, приобретает особенно большое значение и как определенный показатель принципиального отношения к рабству.

Все это определяет задачи и построение статьи. Автор ставил своей целью не только суммировать данные законодательства об источниках рабства, но и максимально широко привлечь другие законы о рабах, выснить отношение общества, отраженное в законодательстве, к рабству, к различным его источникам и к характеру их использования.

Поскольку исследователи по-разному оценивают роль различных источников рабства к концу III — началу IV в., автор был вынужден обратиться к законам II—III вв., чтобы сопоставить их с законодательством IV—VI вв.

Ни у кого не вызывает сомнения, что IV и последующие (после кризиса III в.) столетия представляют собой особый период истории, в котором роль рабства стала уже несколько иной и, очевидно, соотношение и значение его источников также могли отличаться от предшествующей эпохи.

Источники рабства I—III вв. изучались многими исследователями. В советской литературе самой последней работой, касающейся этого вопроса, является монография Е. М. Штаерман и М. К. Трофимовой, во многом суммирующая существующие точки зрения. Работа важна для нас еще и тем, что Е. М. Штаерман широко опирается на юридические источники — Дигесты и законы римских императоров II—III вв. Она особенно обращает внимание на то, что в ту эпоху утрачивается интерес к захвату рабов-военнопленных, и это характерно для настроений II—III вв.²⁰ По мнению Е. М. Штаерман, в литературе данный перелом отражается достаточно резко и служит показателем того, что в тогдашнем обществе уже «потребности в притоке новых рабов не ощущалось»²¹.

Автор связывает это как с вызванным хозяйственной эволюцией возрастанием роли внутренних источников рабства, так и с падением его значения вообще. По мнению Е. М. Штаерман, эта тенденция нашла выражение и в усиливающемся обращении военнопленных не в рабов, а в колонов. В главе «Источники рабства» автор отмечает, что в источниках III в. нередко прямо не упоминается об использовании пленных именно как рабов, что часть из них явно расселялась в качестве колонов, свободных поселенцев, включалась в состав армии и т. д.²² Ценным является наблюдение, что меньше военнопленных в качестве рабов использовалось в сельском хозяйстве и больше, вероятно, направлялось на другие работы.

В то же время Е. М. Штаерман признает, что имеется достаточно свидетельств о превращении военнопленных в рабов и о направлении

²⁰ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 16.

²¹ Там же, стр. 24.

²² Там же.

их как таковых и в сельское хозяйство. Даже при том, что в некоторых источниках, прежде всего в SNA, не говорится прямо об обращении военнопленных в рабов, они в равной мере не сообщают и об обращении их в колонов. Поэтому, хотя Е. М. Штаерман и правильно определяет общую тенденцию, общий вывод о том, что преимущественно «колоны из числа пленных поступали в провинции, но приток рабов за счет пленных должен был резко сократиться для всей империи» к концу III в.²³, вызывает известные сомнения. В. Велков на тех же материалах SNA приходит к более скромным выводам²⁴.

К тому же едва ли можно использование значительной части пленных варваров в качестве колонов или даже свободных связывать только с падением потребности в притоке рабов. Сопоставление материалов III—IV вв. показывает, что многое зависело и от соотношения сил и возможностей.

Когда империя была сильна и могла не считаться с другими обстоятельствами, большая часть пленных обращалась в рабов и поступала на рынки империи; когда ее положение было более трудным, ей приходилось мириться, так сказать, с более «льготными» условиями. Такие колебания в IV в. и их зависимость прослеживаются достаточно отчетливо. Таким образом, несомненная заинтересованность и тенденция к обращению части военнопленных в рабов, в том числе и сельских, не ограничиваются III в., и вопрос о том, насколько указанная тенденция ослаблялась «падением потребности», а не «отсутствием возможности» обращать большое число пленных в рабов, — достаточно спорный. Во всяком случае, и на материалах III в. видно, что обращение военнопленных в рабов несколько усиливается к концу III в., когда империя начинает укрепляться. Свидетельства же о пленных-рабах, направляемых в хозяйства и имения, приводимые в работе Е. М. Штаерман, относятся не столько к первой половине — середине III в., сколько к концу III в., ко времени Клавдия II и Аврелиана²⁵. Таким образом, по-видимому, в I—III вв. не только сокращалась потребность во внешнем пополнении рабов, но и возможности такого пополнения. Когда же они расширялись, они в достаточной мере реализовывались.

Другим внешним источником служила торговля — импорт рабов. В III в. ввоз рабов существовал. Однако он заметно сократился, а по мнению некоторых исследователей, даже более или менее заглох «в связи с общим ослаблением заграничных связей»²⁶. Хотя его сокращение и можно отчасти объяснить не столько сокращением потребностей, сколько обстановкой, не благоприятствовавшей внешней торговле, его следует учесть. Заметное оживление покупки и ввоза рабов в IV в.²⁷ свидетельствует о том, что этот источник не утратил и в IV в. своего реального значения; и спад в импорте рабов в конце II—III в. можно скорее объяснить внешними, чем внутренними обстоятельствами. Поэтому больше приходится говорить о его влиянии на развитие рабства внутри империи, чем о том, что этот спад вызван падением спроса.

В целом, по-видимому, можно утверждать, что и в III—IV вв. внешние источники рабства — в одни периоды в большей степени войны, в другие торговля — были если уже не столько постоянными то, во всяком случае еще достаточно важными.

²³ Там же.

²⁴ В. Велков. Рабство в Тракия и Мизия през античността. София, 1967, стр. 114—118.

²⁵ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 24. Ср. В. Велков. Указ. соч., стр. 118. Ср., например, свидетельство Аммиана (XXVI, 10, 2): *mancipiis, captivis, locupleta re... quingentos servos... in privatam villam Valeriani congeret.*

²⁶ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 24.

²⁷ W. L. Westermann. Op. cit., p. 137; В. Велков. Указ. соч., стр. 121—122; *Expos. totius mundi*, 122 и др.

Исследователи констатируют возрастание в I—III вв. значения внутренних источников рабства по сравнению с внешними, прежде всего естественного прироста рабов²⁸. В известной мере, он, вероятно, стимулировался и определенными особенностями развития производства.

Возможности широкого использования труда малолетних рабов на вспомогательных, элементарных работах, специализация рабов — все это, очевидно, в какой-то мере окупало убытки от их выращивания и воспроизводства в хозяйстве (например, приобретение ими за этот период более высокой квалификации делало выгодным и их домашнее воспроизводство по сравнению с покупкой взрослых необученных рабов). Видимо, все эти факторы и явились важным стимулом поощрения и развития внутреннего воспроизводства рабов, создания семей рабов²⁹, что само по себе явилось дополнительным стимулом повышения их заинтересованности в производительности труда.

Естественно, что в этих условиях интерес к внешним источникам приобретения рабов мог несколько упасть. Поэтому приобретает особое значение вопрос об эволюции «естественного воспроизводства». Тесная связь рабов с хозяйством и домом господина предполагала планирование воспроизводства рабов с учетом нужд и перспектив развития этого хозяйства. Именно данное обстоятельство на определенном этапе, по-видимому, и толкало к созданию более стабильной внутренней основы для пополнения рабской рабочей силы.

По мере выведения рабов на пекулий, с ростом их хозяйственной самостоятельности их естественное воспроизводство должно было стать более стихийным, менее контролируемым и регулируемым господином и, соответственно, более зависимым от общих условий жизни в широком смысле слова. До II — первой половины III в. мы наблюдаем еще первую стадию этого процесса, когда рабы были более тесно связаны с господским хозяйством и их владельцы имели больше возможностей влиять на воспроизводство рабской силы³⁰. Об этом говорят законы, отражающие прямую заинтересованность и заботу рабовладельцев о воспроизводстве рабской силы. Законы о рабынях и их детях явно отражают не только возросшее значение внутреннего воспроизводства, но и в известной мере активное воздействие на него господ.

В связи с проблемой внутреннего воспроизводства рабов, естественно, встает вопрос и о роли специального внутреннего, местного «производства» рабов на продажу для удовлетворения потребностей других хозяйств. Есть основания полагать, что и оно получило известное распространение. В то же время в III в., особенно во второй его половине, по-видимому, намечается переход ко второй стадии развития. Появляются законы о детях рабов, подброшенных без ведома и согласия господина, и о правах господ на таких детей, свидетельствующие о растущей самостоятельности семей рабов³¹.

С другой стороны, важным показателем не только возросшего значения внутренних источников рабства, но и его сохранения вообще является

---

²⁸ W. L. Westermann. Op. cit., p. 137; для IV—V вв. см. А. Р. Корсунский. Указ. соч., стр. 49; ср. И. С. Свенцицкая. Земельные отношения в Западной Малой Азии эллинистического и римского периодов. Автореферат. докт. дисс. М., 1971, стр. 19.

²⁹ По выводам У. Уэстерманна, большая часть «доморожденных» рабов происходила от семейных союзов рабов (W. L. Westermann. Op. cit., p. 118).

³⁰ О распространении в I—III вв. вывода рабов на пекулий см., напр., G. Härtel. Die Widerspiegelung von Symptomen der Krise der Sklaverei im Rechtsdenken der Römer in der Zeit von Gajus bis Modestinus.— «Wiss. Zeitschrift. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe». 19. H 3. Karl-Marx-Universität. Leipzig, 1970, S. 467—468.

³¹ CJ, XIII, 51 (52) 1 (224 r.): Si invito vel ignorante te partus ancillae... tuae expositus est.

расширение способов порабощения свободных граждан. Самый факт широкого порабощения свободных подтверждается законодательством. «У юристов сплошь и рядом фигурируют свободные, находящиеся в рабстве на законном основании» (*qui bona fide serviunt*)³². Прежде всего, по-видимому, возрастает порабощение свободных за долги³³.

Различные формы порабощения свободных были и раньше распространены в восточных провинциях³⁴, но в изучаемый период они распространились на другие территории, а кроме того, затронули более широкие слои граждан. Е. М. Штаерман обращает внимание на то, что в середине II в. узаконивается «ранее безусловно запрещавшаяся самопродажа совершеннолетнего свободнорожденного римского гражданина»³⁵. По постановлению Адриана такая самопродажа закономерно превращала свободного человека в раба. Право самопродажи распространилось и на женщин. Полное рабство самопродавшихся подтверждается последующими законами (CJ, VII, 16.5) — закон Александра Севера³⁶. Даже добившись свободы, они не могли рассчитывать на то, что будет учтено их прежнее состояние и, как и остальные рабы, при отпуске на волю они не возвращались к прежнему статусу, «от которого отказались», и становились либертинами (Dig., I, 5.24; IV, 4.9; XL, 12.7)³⁷.

Рабами становились и дети тех женщин, которые продали себя в рабство (т. е. дети, рожденные после самопродажи) (Dig., XLI, 13.3; 14.2). Возможно, что эти жесткие постановления первоначально имели целью несколько ограничить самопродажу свободных, так как, по-видимому, подобная практика получала все более широкое распространение. Под ее воздействием правительство было вынуждено все же идти на уступки. Постепенно в течение III в. снизился возрастной ценз для самопродажи: с 25 до 20 лет (Dig., I, 5.5, 1). С этого же времени возникает и проблема, связанная с порабощением лиц, выкупленных из плена (Dig., XLIX, 16.8). Ульпиан впервые упоминает о праве фактически поработать свободных, выкупленных у варваров. Лицо, их выкупившее, вправе заставить их работать на себя, пока они не возместят суммы выкупа (Dig., XXVIII, 1.20, 1).

Целый ряд данных свидетельствует и о росте насильственного порабощения и «злонамеренного» удержания в рабстве свободных (Dig., XLIII, 29.4, 1; IV, 6.11). Законодателям приходилось выступать против попыток прямого порабощения свободных в связи с тем, что, по всей вероятности, участились случаи, когда свободные исполняли разные «рабские службы». Так, император Гордиан (CJ, VII, 14.3) вынужден был разъяснять, что свободнорожденную рабская служба «не делает рабыней». В письме Валериана и Галлиена речь идет о восстановлении статуса человека, который был принужден признавать себя рабом: *Nec si volens scripsisses servum te esse, non liberum, praeiudicium iuri tuo aliquid comparasses* (CJ, VII, 16.6).

Очевидно, насильственное порабощение свободных к середине III в. принимает очень значительные размеры, поскольку родственникам таких рабов не только официально разрешалось, но «даже вменялось в обязанность» начинать тяжбу об их освобождении. По мнению Е. М. Штаерман, «к концу III в. порабощение свободных приняло еще большие масштабы,

³² Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 18.

³³ См., например, W. L. Westermann. *Op. cit.*, p. 135.

³⁴ А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—II вв. н. э. М.—Л., 1949, стр. 205; А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. — ВДИ, 1953, № 3, стр. 87. И. Ф. Шифман. Рабы в документах из Дура-Европос. — Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 81—85.

³⁵ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 23.

³⁶ ... non alias... quam si participandi pretii gratia consensum servituti dedisse probetur.

³⁷ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 23.

хотя юридически они далеко не всегда признавались в полном смысле этого слова рабами, а скорее находящимися во временном рабстве»³⁸. В рабство фактически попадали и выкупленные у «варваров» пленные, которые до выплаты ими суммы выкупа считались находившимися *in potestate* господина, который имел право держать их в оковах и принуждать работать. Если они бежали, то их возвращали господину. Нередко господа отказывались отпустить их, даже если им возмещалась сумма выкупа. Этот источник рабства, вероятно, приобрел большое значение в период внешних и внутренних войн III в.³⁹

По существу к этому времени относится и начало самообращения в рабство, не связанного непосредственно с формальными материальными обязательствами, официальной самопродажей. Ранее государство запрещало самообращение в рабство без материальных оснований или приговора суда. Отныне же оно становится законным, если кто-либо выразил подобное желание. Возможно, что закон императора Клавдия относился не к очень распространенной в его эпоху ситуации, но его постановление о свободнорожденной женщине, вступившей в связь с рабом, было «первым государственным актом, признававшим за свободным человеком право изменять свой статус на рабский... добровольно»⁴⁰. Тем самым это постановление открывало широкие перспективы для «добровольного» обращения свободных в рабство. Этот закон интересен и в том отношении, что он свидетельствует о растущем примирении государства и общества с практикой широкого обращения свободных граждан в рабов, с полным признанием их рабского юридического статуса.

В III в. становится обычным порабощение граждан в ходе внутренних, гражданских войн.

Более широкое распространение получает и продажа детей. Если раньше продажа детей имела место преимущественно в отсталых и окраинных провинциях империи, снабжавших центральные области малолетними и взрослыми рабами, то в III в. она делается повсеместной и более или менее законной (*CJ*, VII, 16.4). Императоры IV в. ссылались на право продажи новорожденных уже как на узаконенную практику (*STh*, VIII, 10.1). Государство чаще допускало превращение свободных в рабов и за разного рода преступления. Например, Антонин Пий разрешил продавать как рабов детей женщины, приговоренной к работам в рудниках (*Dig.*, XL, 5.24, 6).

Таким образом, можно согласиться с выводом Е. М. Штаерман, что в этот период «возрастало значение порабощения свободных»⁴¹, хотя многие из новых, дополнительных источников в III в. только начинали играть сколько-нибудь существенную роль. В то же время многие факты и законодательные данные, касающиеся порабощения свободных, рост штрафов за похищение и присвоение чужих рабов свидетельствуют о том, что в целом интерес к приобретению рабов был достаточно сильным.

Появившийся в последнее время ряд работ показывает в I—III вв. и активизацию внутренней торговли рабами, в частности пополнение числа рабов в центральных областях империи за счет окраинных областей, районов с менее развитыми рабовладельческими отношениями, где усиление общеимперского спроса и ухудшение положения свободного населения приводило к росту продажи малолетних детей и родичей на рабских рынках империи.

Следует отметить, что изменение соотношения и значения источников рабства в I—III вв. нашло отчетливое отражение в эволюции терминов, обозначающих рабов, в законодательстве и других источниках. Там все

³⁸ Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя..., стр. 506.

³⁹ Там же, стр. 507.

⁴⁰ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 207.

⁴¹ Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя..., стр. 507.;

реже для обозначения рабов употребляются термины, связанные с их происхождением, т. е. порабощением в результате войн (*captivus*).

В то же время в I—III вв. распространяются термины, обозначающие рабов местного, домашнего происхождения и воспитания. Таков термин *veгна*, *veгнае*, широко употреблявшийся для обозначения рабов, рожденных в поместье, доме, иногда, более широко, — в данной местности⁴². Ряд исследователей относит его к рабам, рожденным от рабов из имения, господина и рабыни или свободного и рабыни и воспитанным в имении, доме. Возможно, этим термином обозначались рабы местного происхождения, но вскормленные и выращенные в доме. Некоторые полагают, что верны — также и малолетние дети свободных. Однако большинство ученых склоняется к тому, что это рабы внутрисемейного, домашнего происхождения, «домородени роби»⁴³. Многие исследователи считают, что эти рабы в I—II вв. в значительной мере пополняли состав рабского населения. По мнению В. Велкова, верны во II в. были одним из наиболее важных источников рабов⁴⁴.

Таким образом, и термины, определяющие рабов, указывают на распространение домашнего воспроизводства рабской рабочей силы. Внимание, уделяемое законодательством потомству рабынь, дает основание предполагать, что в этот период такое воспроизводство достигло значительных размеров⁴⁵.

Не менее важным показателем является распространение терминов *φρεττος* и *alumnus*. Оба эти термина — довольно широкие. Они обозначали «вскормленников», т. е. не обязательно рожденных в доме, а вообще всех рабов, взятых в малолетстве и воспитанных в доме господина. В принципе они также обозначали рабов местного происхождения (как полагает И. С. Свенцицкая), т. е. «внутренних». Это могли быть купленные, взятые на воспитание, даже подброшенные дети рабов (по мнению А. Кэмерона, большинство *φρεττοι* — дети рабынь)⁴⁶.

Таким образом, эта категория может служить показателем, с одной стороны, производства рабов «на продажу», с другой — и, вероятно, в большей степени — отдачи и подбрасывания рабами своих детей, что могло получить более широкое распространение в условиях большей свободы рабов.

Но важно и другое — то, что обе группы могли «комплектоваться» и за счет свободных: малолетних, подброшенных, отданных, проданных обедневшими родителями^{46а}. Это была очень удобная форма порабощения свободных, так как согласно законодательству всякий, кто воспитывал подброшенных детей, независимо от их происхождения, мог законно считать их своими рабами⁴⁷.

---

⁴² *W. L. Westermann*. Op. cit., p. 124; *J. Biežunska-Malobist*. *Niewolnicy urodzeni w domu* (οικογενετης) character pracy niewolniczew w Egypcie rzymskim. — *Przeglad Histor. gusznę*. 1959, str. 453—457; *В. Велков*. Указ. соч., стр. 51, 111 (разработка вопроса о статусе детей свободных женщин, становившихся рабынями). Согласно Dig., I, 5.5, 2, дети, зачатые свободной, но рожденные рабыней, должны считаться свободными, так как дети не должны страдать из-за несчастий матери. См. *G. Härtel*. Op. cit., S. 464.

⁴³ *В. Велков*. Указ. соч., стр. 111.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Показательно, например, постановление III в., согласно которому императорская рабыня, родившая пятерых детей, автоматически получала свободу (*Е. М. Штаерман*, *М. К. Трофимова*. Указ. соч., стр. 136).

⁴⁶ *A. Cameron*. *Φρεττος* and related terms in the inscriptions of Asia Minor. *Manchester*, 1939, p. 27—62. См. также *W. L. Westermann*. Op. cit., p. 30; ср. *Е. С. Голубцова*. Указ. соч., стр. 109, 111—112.

^{46а} *И. С. Свенцицкая*. Указ. соч., стр. 19.

⁴⁷ См. *Е. М. Штаерман*, *М. К. Трофимова*. Указ. соч., стр. 17; *СTh*, V, 9.1 (331 г.) *Ср. Н. Мухин*. *Отношение христианства к рабству в Римской империи*. Киев, 1916, стр. 32—33; *В. Велков*. Указ. соч., стр. 118.

Распространение «вскормленников» и «воспитанников», следовательно, было связано с обеднением свободных. Именно в такой форме порабощение свободных, вероятно, и приняло весьма широкие размеры, став одним из каналов «внутреннего» пополнения числа рабов за счет свободных.

Все исследователи констатируют распространение данной категории рабов в I—III вв., в том числе и в крестьянских хозяйствах⁴⁸. Мы говорим категории, так как в особую группу выделялись все местного происхождения рабы, которые не могли быть проданы за границу или, возможно, даже за пределы той области, где они родились.

Приведенные термины совершенно определенно отражают характерную для I—III вв. тенденцию к воспроизводству или, во всяком случае, «выращиванию» рабской рабочей силы внутри рабовладельческого хозяйства. Они встречаются во всех видах источников I—III вв., в том числе и в законодательных — Дигестах и ранних статьях Кодексов. Принципиальная связь их распространения в I—III вв. с определенными особенностями развития рабовладельческого строя представляется бесспорной. Поэтому естествен вопрос: не означало ли заметное сокращение и даже исчезновение указанных терминов в памятниках IV—VI вв., в том числе и в законодательных, угасания этой тенденции, определенного изменения характера и соотношения источников рабской рабочей силы? Многие исследователи фиксируют сокращение этого специального «воспроизводства рабов»⁴⁹.

Весьма возможно, что с упадком средних рабовладельческих хозяйств и их стабильного спроса специальное выращивание рабов в IV в. постепенно свертывается. Не исключено, что это было также связано и с усилившимся выведением рабов на пекулий, т. е. с распространением и поощрением «естественного воспроизводства» рабов внутри рабских семей, в связи с чем падало значение их «вскармливания», «воспитания» в доме, хозяйстве господина. По-видимому, именно поэтому в законодательстве IV—VI вв. вменяе почти не фигурируют — о них упоминает только один закон (CJ, III, 32, 102—290).

Показателем определенной заинтересованности в сохранении рабов и достаточно активной защиты прав рабовладельцев является закон 224 г. Несмотря на известную тенденцию законодательства Юстиниана к освобождению подброшенных малолетних рабов, в Кодекс, тем не менее, был включен этот старый закон императора Александра, по которому господин имел полное право вернуть подкинутого ребенка своей рабыни в том случае, если тот был подкинут без его воли и согласия⁵⁰. В таком случае он лишь возмещал расходы, затраченные на содержание и воспитание ребенка. Значит, право востребования подброшенного раба, видимо, не было существенно ограничено во времени (CJ, VIII, 51(52).1).

Таким образом, законодательные источники говорят о совершенно определенной заинтересованности господ в пополнении и воспроизводстве рабской силы, а то, как государство решало возникавшие по этому поводу конфликты, свидетельствует о том, что оно твердо оберегало права господ на потомство рабынь.

По мнению ряда исследователей, значение внутреннего естественного прироста рабского населения к IV—V вв. даже возросло⁵¹.

⁴⁸ И. С. Светлицкая. Указ. соч., стр. 19. Ср. ее же. Рабы и вольноотпущенники в сельских местностях провинции Азии. — ВДИ, 1968, № 4, стр. 127; Е. С. Голубцова. Указ. соч.; ее же. Специфика социальных отношений в сельских общинах на городской земле Малой Азии I—III вв. — ВДИ, 1969, № 1.

⁴⁹ А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 794.

⁵⁰ Si invito ignorante te partus ancillae tuae expositus est. . restitueris.

⁵¹ А. Р. Корсунский. Указ. соч., стр. 49. Исследования демографического плана показывают, что естественный прирост в массе населения существенно не сократился в IV—V вв. По сохранившимся эпиграфическим и другим данным видно, что и в рабских семьях было по несколько детей.

В то же время для этого периода характерна еще известная ограниченность пополнения числа рабов из свободных, продажи и самопродажи свободных в рабство, подбрасывания детей. Терминология отражает рост этих источников рабства с конца II и в III в., как и стихийного самовоспроизводства рабов на пекулии (о чем, в частности, говорит увеличивающееся число законов о подброшенных «без ведома господина» детях-рабах), очевидно, прежде всего рабов, живших и работавших самостоятельно, а не в доме и хозяйстве господина (СЖ, VIII, 5, 1.52, 1 (224 г.).

Таким образом, мы можем говорить о немаловажной роли внешних источников рабства в I—III вв. и о росте значения внутреннего воспроизводства рабской силы⁵², что находит отражение в развитии терминологии, касающейся «доморощенных рабов». Нельзя не заметить существенного падения интереса к приобретению рабов и в то же время усиления внимания к внутренним источникам рабства. В какой мере этот «крен» определялся внутренними, хозяйственными обстоятельствами, а в какой — просто реальными возможностями приобретения рабской силы извне, вопрос спорный, и на него законодательный материал, естественно, не дает исчерпывающего ответа.

Анализ конкретного материала и терминологии позволяет также прийти к заключению, что для этого времени характерно более «плановое» воспроизводство рабов в хозяйстве, т. е. именно «выращивание» рабов. Поэтому многие статьи и касаются прав на «доморощенных», «вскормленных» рабов. В то же время большинство законов свидетельствует о том, что хотя стихийное, не контролируемое или мало контролируемое господином «воспроизводство» (вернее — «самовоспроизводство») рабов приобрело несколько большее распространение (по-видимому, с развитием выведения рабов на пекулий, ростом самостоятельных рабских семей государство вынуждено было чаще рассматривать вопросы о подброшенных «без ведома» господина детях рабов и допускать, что господин долгое время мог вообще не знать об этом), все же в целом в течение этого периода, судя по законодательству, господа сохраняли достаточный контроль за воспроизводством рабов.

Практика же порабощения свободных лишь к концу III в. начинает становиться сколько-нибудь массовой. Для I—III вв. едва ли можно говорить о порабощении свободных жителей империи как о важном источнике рабства.

Чем же отличались источники рабства в IV—VI вв. от источников предшествующего периода? Каково было значение каждого из них? Каково было соотношение войны и торговли как внешних источников рабства? Каково было соотношение «планового» и стихийного воспроизводства рабов? Продолжала ли возрастать роль внутренних источников рабства, или она оставалась стабильной, или, наоборот, падала? Не менее важной является и проблема других внутренних источников рабства. Возрастало, оставалось прежним или сокращалось порабощение свободных и как это отразилось в терминологии законодательства?

Большая группа законов Диоклетиана и Константина, посвященных этим вопросам, достаточно четко разделяет оба периода. Именно их законы, вошедшие в Кодекс Юстиниана, преобладают в соответствующих титулах. Их определяющий характер несомненен, поскольку, как правило, последующие законы лишь дополняют, детализируют и развивают, но редко существенно меняют их.

Особенно ясно значение их видно в части, касающейся порабощения свободных. Именно они позволяют говорить о конце III — начале IV в. как о рубеже в развитии отношения к порабощению свободных. По мне-

⁵² Е. М. Штаерман. Античное общество, модернизация истории и исторические аналогии. — Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ». кн. 1. М., 1968.

нию Е. М. Штаерман, «с середины II в. была узаконена самопродажа в рабство совершеннолетних римских граждан, а в начале IV в. — продажа в рабство детей»⁵³. Постановления Диоклетиана и отчасти Константина во многом продиктованы необходимостью разъяснений в связи с многочисленными жалобами и апелляциями на порабощение со стороны бывших свободных (по происхождению) и их родственников. Вся эта группа законов, включая многочисленные апелляции и разъяснения к ним императоров, говорит о распространении в III в. различных путей обращения в рабство свободных, но в то же время свидетельствует, насколько еще не было изжито представление о том, что происхождение от свободных граждан, пребывание в их числе является серьезным препятствием для юридического изменения статуса свободного на раба (но не для фактического порабощения). Эти же законы показывают, что для лиц, в рабскую зависимость от которых попадали обращенные в рабство свободные, было характерно не только стремление фактически удержать их в рабском положении, но и юридически оформить и закрепить их рабский статус, признать их рабами по положению.

Диоклетиановское законодательство не было активно направлено против порабощения свободных. Оно скорее ставило своей целью внести юридическую ясность в те сложные и новые пути порабощения свободных, которые получили распространение в III в. и стали весьма актуальными уже к концу этого столетия. По существу оно легализовало их. Лейтмотив, который проходит через законы Диоклетиана, таков: статус свободно-рожденных граждан непрочен, он по многим причинам может измениться, и юридическое обращение свободных в рабов возможно во многих случаях⁵⁴.

Диоклетиан окончательно узаконил многие пути порабощения свободных, и в этом отношении с ним связан новый этап развития законодательства, касающегося данной области. Последующие законодатели относились к законам Диоклетиана и Константина как к своего рода исходным нормам.

Мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что, на наш взгляд, нельзя неразрывно связывать вопрос об отношении в обществе к рабству с вопросом об отношении к освобождению рабов. Поощрение освобождения рабов, по нашему убеждению, не может служить главным показателем отношения к рабству вообще, желания его свести на нет или ограничить. Поощрение освобождения рабов, его распространение характерно и для периода господства развитых рабовладельческих отношений. Оно вовсе не говорило об их ослаблении. Освобождение являлось одним из способов повысить стимул к работе у рабов; кроме того, оно позволяло, максимально используя их, заменить их новыми, избавляясь от обязанности содержать рабов в старости. Своевременный отпуск рабов давал возможность господам наиболее интенсивно эксплуатировать их в пору наибольшего расцвета их сил. Своевременно отпущенные рабы могли обзавестись хозяйством и не только обеспечить свое существование, но и продолжать еще какое-то время приносить известные доходы господину. Важны не столько сроки рабства, сколько самый факт его необходимости⁵⁵.

О подлинном отношении к рабству, таким образом, больше говорит не столько отношение к отпуску на волю, сколько к самому порабощению. Оно вскрывает глубоко принципиальное отношение к рабству и дает представление, насколько именно рабское состояние как статус, а не рабское

⁵³ См. Е. М. Штаерман. Античное общество..., стр. 665.

⁵⁴ CJ, IV, 19.10; VII, 16.17; VII, 16.28.

⁵⁵ См., например, CJ, VI, 7.2 (326 г.); Si manumissus ingratus circa patronum suum extiterit. . . rursus sub imperia dicionemque mittatur; VI, 7.4. (426 г.): ad servitutis nexum procul dubio reducentur.

реальное положение было необходимо для общества. Вольноотпущенник — не колон. Он был обременен особыми дополнительными обязательствами в отношении патрона, и права последнего на него были значительно большими, вплоть до права обратного возвращения в рабство, и не только его, но и его детей⁵⁶. Таким образом, сохранение тенденции к тому, чтобы значительная часть эксплуатируемых непосредственных производителей материальных благ прошла через это состояние, свидетельствует о значении рабства, рабского состояния как регулятора социально-экономических и общественных отношений, о том, что и положение вольноотпущенников продолжало оставаться достаточно жестко ориентированным на их прежнее, рабское положение.

Анализ законов Кодексов Феодосия и Юстиниана показывает, что внутреннее воспроизводство рабов было важнейшим и активно поддерживавшимся источником их восполнения. Об этом прежде всего свидетельствуют многочисленные законы, касающиеся детей рабынь, прав господ на них и т. д. Почти все подобные законы из Кодекса Феодосия были включены в Кодекс Юстиниана. Законы, затрагивающие эти вопросы, издаются вплоть до VI в. включительно, что свидетельствует об их актуальности и важности.

Через все эти законы в целом проходит явная заинтересованность рабовладельцев и государства в увеличении рождаемости рабов. Мы уже упоминали об императорском постановлении освобождать императорских рабынь, родивших пятерых детей⁵⁷. Законодательные запрещения разрушать семьи рабов способствовали их укреплению и, очевидно, благоприятствовали росту рождаемости. Значительное количество законов, касающихся детей рабынь, исходящих преимущественно из факта наличия у них обычно нескольких детей, служит тому известным подтверждением. Из рассматриваемых в них конфликтов явственно вырисовывается стремление собственников или их наследников по возможности сохранить большую часть детей рабынь в рабстве⁵⁸. Воля завещателя, как правило, определялась отнюдь не прямыми хозяйственными соображениями, а чаще соображениями морального плана, не очень строго учитывавшими

---

⁵⁶ СTh, IV, 10.1 — CJ, VI, 7.2 (332 г.); СTh, IX, 6.2 (376 г.); СTh, IV, 10.2 — CJ, IX, 1.24; VI, 7.3 (423 г.); СTh, IV, 10.3 — CJ, VI, 7.4 (426 г.). Обращает на себя внимание изменение акцента в законодательстве. Для I—III вв. он делался на сохранении свободы, полученной однажды (см., например: *G. Härtel. Op. cit.*, S. 466), в законодательстве V—VI вв. — на обязательствах вольноотпущенника и на праве господина вернуть его обратно в рабство. Постановления ранних императоров предлагали прибегать к такого рода мерам в крайних случаях, исходя, очевидно, из редкости и ценности свободы, раз данной (*W. W. Buckland. Op. cit.*, p. 423). О том же говорит и указ Юстиниана 529 г. (CJ, VI, 4.3); *sola natalium restitutio inducit*. Характерно и то, что в порядке наказания за бегство господина могли обращать своих бежавших, но возвращенных колонеров в рабов (СTh, V, 17.1: *in servilem condicionem ferro ligari conveniet... ut officia, quae liberis congruunt, merito servilis condemnationis compellantur implere*).

⁵⁷ *Ulp.*, De jur.isci, 13.

⁵⁸ CJ, VII, 4.16 (530 г.); СTh, II, 25.1. Ср. CJ, III, 33.11 — 39 (334 г.). Константин вновь расширил возможности возвращения в рабство в случае, если вольноотпущенники *iactantia vel contumacia services ereherit* и даже если *levis offensae contraxerit culram* (СTh, IV, 10.1; CJ, VI, 7.2). Мнение Буклэнда о том, что эта проблема была практически несущественной (*W. W. Buckland. Op. cit.*, p. 4—24), недостаточно убедительно. Зачем тогда понадобилось Константину расширять число поводов, по которым вольноотпущенники могли быть обращены в рабство? Последующие императоры также уделяли этому вопросу значительное внимание (см. CJ, VI, 7.3—4) и также не ограничивали условий его применения, как и Новеллы. Характерно, что в них идет речь уже и о детях вольноотпущенников (*filiis libertorum*). В юстиниановской переработке законов (CJ, VI, 7.2) речь идет и о детях вольноотпущенников, которые родились после освобождения их родителей, а не только до освобождения, что, по-видимому, и стало предметом разногласий. Закон распространяет право возврата в рабство за неблагодарность, «непочтение» и на них: *filiis etiam qui postea nati fuerint servituri, quoniam illis delicta parentium non nocent, quos tunc ortos esse constiterit, dum libertate illi potirentur*.

хозяйственную целесообразность. Поэтому с этой точки зрения показательны не столько настроения отпускающего на свободу своих рабов, сколько его наследников и преемников.

Несмотря на различные облегчения в деле освобождения рабов и в положении рабынь-матерей, главным оставалось то, что и по законодательству Юстиниана все дети рабынь, независимо от статуса их отца, оставались рабами господина их матери⁵⁹.

Эволюция законодательства о детях рабынь была во многом связана с возраставшей хозяйственной самостоятельностью как городских, так и, особенно, сельских рабов, ослаблением контроля за их частной, семейной жизнью со стороны собственника и администрации имения. В связи с этим реальными становились браки между рабами разных собственников, рабами, адскрипциями и колонами, рабами и свободными (сюжеты, которым вынуждено было уделять возрастающее внимание законодательство IV—VI вв.)⁶⁰. В таких условиях, и это видно из законодательства, воспроизводство рабов становилось все более стихийным, все менее контролируемым господином, что и порождало новые конфликтные ситуации, с которыми приходилось иметь дело законодателям. Законы говорят о распространенности рабского труда в самых различных сферах производства и обслуживания. Они не свидетельствуют о сколько-нибудь серьезном падении в IV—V вв. заинтересованности во внутреннем воспроизводстве рабов. Многие из законов, толкуемых именно в последнем смысле, были обязаны своим появлением тому, что в IV—VI вв. возрастало число браков свободных с рабами, господ с рабынями. Поэтому многие законы VI в. связаны именно с такого рода ситуациями и поощряют освобождение детей рабынь и самих рабынь, живших в фактическом браке со своим господином. «Либерализация» законодательства Юстиниана по этим вопросам касалась преимущественно большего обеспечения освобождения по завещаниям, прав на свободу лиц, родившихся после освобождения их матерей, рабынь, проживших всю жизнь в фактическом браке с господином, и их детей. В то же время законодательство оставалось предельно жестким в отношении статуса лиц, рожденных до освобождения их матерей. Они по-прежнему продолжали оставаться рабами. Поэтому при оценке отношения к рабству первую группу законов следует, видимо, выделить из остальных законов, которые твердо охраняют права наследников и собственников на рабов и их потомство.

Лишь законодательство самого Юстиниана (и то в известной мере) может считаться переломным по сравнению с предшествующим периодом⁶¹. Линия на поощрение освобождения рабов, в том числе и новорожденных, признание свободного статуса подброшенных детей, даже если они были по происхождению рабами, — все это было началом глубоких сдвигов в отношении к рабству⁶². Но даже с учетом этого мы можем прийти к выводу, что в IV—VI вв. естественный прирост рабского населения был главным и очень важным источником пополнения числа рабов, и на основании законодательства едва ли можно предполагать существенное сокращение его значения в IV—V вв.

К числу внутренних источников рабства относится и официальное обращение в рабство государством. Оно означало реальное и правовое

⁵⁹ CJ, XI, 48.21 (580 г.); CTh, III, 32.7. См. *З. В. Удальцова*. Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии. — СА, XXVIII, 1957, стр. 325.

⁶⁰ CTh, VI, 12.1 (314 г.); CTh, XII, 1.6 — CJ, I, V, 5.3 (318—319 гг.); CTh, IV, 12.3 (320 г.); VI, 12.4 (5) (331 г.); VI, 6.3; ср. CJ, V, 27.1 (336 г.).

⁶¹ CTh, XII, 5(6) (362 г.); CTh, X, 20.3 — CJ, XI, 8.3 (365 г.); CTh, VI, 6(7) (365 г.); CJ, VI, 4.2 (367 г.); CJ, XI, 68.4; CJ, VI, 1.8 (389 г.); CTh, X, 6.2 (395 г.); CTh, IV, 12.7(8) (398 г.); CTh, XII, 19.1 (400 г.); CJ (V, 5.7 (454 г.) CJ, XI, 68.1 (Зенон); CJ, XI, 48.21 (530 г.).

⁶² CJ, VII, 4.14 (530 г.); VII, 57.6 (530 г.); VI, 35.88; VII, 4.16 (530 г.); VIII, 51(52), 3.

обращение человека в раба, принудительное наделение его рабским статусом (*servitus poenae*) на срок, на все время жизни, наследственно⁶³. Возможности такого рода порабощения с конца III в. возросли в связи с ростом социальных конфликтов в обществе. Часть законов того времени говорит об обращении в рабство за различные преступления против государства и общества (CJ, IX, 40.2 и др.)⁶⁴. Из них, пожалуй, наиболее важным является закон Диоклетиана об обращении в рабство пойманных «разбойниками» — *latrones* (CJ, VII, 18.2). Текст этого закона был включен в кодекс Юстиниана и, следовательно, сохранял свое значение в IV—VI вв. Известно, что под «разбойниками» (*latrones*) понимались все вообще обездоленные и принимавшие активное участие в борьбе с властями — участники крестьянских, сепаратистских и прочих движений, т. е. довольно значительный круг людей. Согласно закону, не только им, но и их потомкам навечно отказывалось в освобождении (*De latronum familia descendantibus ex largitione principali vel auctoritate fiscali servis factis retro principes libertatem denegari decreverunt*). Рабами становились и захваченные во время внутренних конфликтов мятежники (CJ, VII, 14.4), хотя официально это законодательством не санкционировалось⁶⁵.

Хотя этот источник не был особенно важным и постоянным, тем не менее его значение, очевидно, в III—IV вв. несколько возросло. Из данного источника пополнялись государственные и императорские рабы. С ростом и расширением собственного государственного и императорского хозяйства он частично восполнял его потребности в рабской рабочей силе.

Возросло и обращение в рабство за уголовные преступления, прежде всего за наиболее тяжелые. Вообще в законодательстве имели место тенденции к замене наказания за ряд преступлений, ранее каравшихся смертной казнью, обращением в рабство⁶⁶. Такого рода наказания, естественно, распространялись прежде всего на низшие слои свободных, и поэтому число рабов такого происхождения едва ли было незначительным⁶⁷. Причем рабы-преступники использовались не только в государственных и императорских хозяйствах. Закон (CJ, XII, 18.2) показывает, что они «раздавались» и частным собственникам. Рабами считались и осужденные на работы в государственные рудники⁶⁸. Соответственно иногда и их потомство разрешалось продавать как рабов. Судя по законам IV—V вв., осуждение на работу в рудниках было распространенным явлением⁶⁹. Что касается осужденных на срок, то они оказывались временными государственными рабами⁷⁰. Неизвестно, в какой мере обращение в рабство (признание юридически рабского статуса осужденных государством преступников) было при Юстиниане отменено (*Nov. Just.*, XXII, 1.8)⁷¹. В новелле 23-й речь идет только об отмене рабского статуса лиц, сосланных в проконесские каменоломни. Эта особая оговорка дает основание предполагать, что распоряжение могло иметь чисто локальное значение⁷², хотя его появление, несомненно, симптоматично.

Ряд нарушений, получавших все более широкое распространение в IV—VI вв., по закону превращал свободных в рабов частных собствен-

⁶³ *Е. М. Штаерман*. Рабство в III—VI вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, стр. 89.

⁶⁴ *Е. Э. Лушниц*. О путях формирования. . . , стр. 39.

⁶⁵ *Е. М. Штаерман*. Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, стр. 99.

⁶⁶ *W. W. Buckland*. *Op. cit.*, p. 403, ff.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 405—406.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 456.

⁶⁹ СTh, IX, 17.1 (340 г.); СTh, VIII, 5.17 (364 г.); СTh, IX, 10.4 — CJ, IX, 12.8; СTh, XIX, 5.65, § 3 — CJ, 1.5.5 (428 г.).

⁷⁰ *W. W. Buckland*. *Op. cit.*

⁷¹ *Е. Э. Лушниц*. О путях формирования. . . , стр. 39.

⁷² Для окончательного решения этого вопроса необходимо было тщательно изучить обстановку и обстоятельства издания этого закона.

ников. Так, свободная, вышедшая замуж за чужого (частного) раба, как и ее потомство, становились рабами господина ее мужа (СТh, IV, 12). Основные колебания по этому вопросу в законодательстве связаны с тем, необходимо ли официальное предупреждение (*denuntiatio*), прежде чем признать женщину рабыней, а ее детей рабами. Чаще эта процедура упрощалась, т. е. облегчалось признание их рабами⁷³. Согласно новелле Юстиниана (XII, 9.10), свободный, вступивший в брак с чужой рабыней, становился рабом господина своей жены⁷⁴. Что касается обращения в рабство за сожителем свободной с рабом, то Юстиниан отменил его, постановив, что свободная женщина не может изменить свой статус⁷⁵.

Ряд других получавших все более широкое распространение в IV—VI вв. нарушений по закону также вел к обращению свободных в рабов частных собственников⁷⁶.

Одновременно мы можем отметить и возрастающее обращение в рабство за разного рода задолженность (CJ, VIII, 16 (17)). Во II—III вв. практически возрастает отдача в рабство за долги⁷⁷.

Хотя проданный в рабство с торгов «должник» (*addictus*) оставался свободнорожденным и мог впоследствии выкупить себя, но «с момента продажи он становился рабом»⁷⁸. Причем государство далеко не всегда само использовало, а охотно передавало рабов—должников фиска частным собственникам, пополняя число их рабов. Необходимо отметить, что как в отношении рабов—должников государства, так и частных лиц дело касалось не только и, может быть, не столько их жен и детей, сколько самих взрослых и трудоспособных свободных. Таким образом, они пополняли число пригодных как по возрасту, так и по подготовке к труду рабов.

Более важным источником рабства в III—IV вв. становится и самопродажа в рабство свободных и продажа свободными своих детей. Все это — два различных случая, два варианта, предусматривающих определенные различия и нуждающиеся для IV—VI вв. в отдельном рассмотрении. Однако, судя по тому, что подавляющее большинство законов, касающихся этих ситуаций, относится к III—IV вв., с этого времени начинается более широкое развитие этих процессов.

Формально самопродажа свободных была узаконена уже с середины II в.⁷⁹, но фактически лишь с III и, особенно, с IV в. получает более широкое распространение. Самопродавший лишается свободы после получения им суммы⁸⁰ и, как сознательно продавший себя в рабство, права претендовать на статус свободного по освобождении. Он становился вольноотпущенником, как и раб, получивший свободу.

В IV—VII вв., судя по данным источников, самопродажа в рабство становится чрезвычайно распространенным явлением, включая и самопродажу на определенный срок⁸¹.

⁷³ СTh, VI, 12.1, 1—7; W. W. Buckland. Op. cit., p. 412—413.

⁷⁴ См. З. В. Удальцова. Рабство и колонат в византийской Италии во второй половине VI—VII в. — «Византийские очерки». М., 1961.

⁷⁵ CJ, VII, 24.1 (531—534 гг.).

⁷⁶ W. L. Westermann. Op. cit., p. 135.

⁷⁷ В частности, сюда включается и отдача частным собственникам своих детей в рабство за долги. По существу, это одна из форм применения указа Константина 329 г. о продаже детей, согласно которому родители сохраняли право их выкупа, уплачивая вместо последнего сумму долга. Таким образом, юридически эти дети законно становились рабами по своему положению до момента их выкупа. Римское право предшествующей поры в принципе было против порабощения за долги (W. L. Westermann. Op. cit., p. 135). В VI в. это — распространенное явление (*ibidem*). См. З. В. Удальцова. Положение рабов... , стр. 7; А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах... , стр. 87.

⁷⁸ СTh, IV, 8.6; CJ, VII, 18.1; Н. Мухин. Указ. соч., стр. 35.

⁷⁹ Е. М. Штаерман. Античное общество... , стр. 665.

⁸⁰ CJ, VII, 16.5 (Александр Север).

⁸¹ См., например, Н. Evert-Kappesowa. Studia nad historia wsi bizantyńskiej w VII—IX wieku. Lodz, 1963; CJ, VI, 45.1 (294 г.)

Однако наиболее широкое распространение в IV—V вв. приобретает в полной мере узаконенная в начале IV в. продажа свободными своих детей (*filium filiamque, sanguinolentos*) в рабство⁸². Как правило, она была вызвана бедственным положением семей свободных (*si quis propter nimiam paupertatem*), желанием спасти семью от голодной смерти, от задолженности частным лицам, задолженности по государственным налогам. Но право главы семьи открывало широкие законные права отца на продажу своих детей в законное рабство⁸³.

В Кодексе Феодосия содержатся три статьи Константина, одна статья Феодосия от 391 г. и одна Валентиниана III о продаже детей их родителями. В Кодекс Юстиниана вошел один эдикт Диоклетиана и Максимиана и два закона Константина из Кодекса Феодосия, причем с несколько измененным текстом. Какова эволюция этого законодательства (CTh, XI, 27.1 — 315 г.; XI, 27.2 — 322 г.; V, 10.1; CJ, IV, 43.2 — 329 г.; CTh, III, 3.1 — 391 г.; Nov. Val., XXXII, 1 — 451 г.)?

В 294 г. Диоклетиан и Максимиан издают эдикт, формально запрещающий продажу детей их родителями (CJ, IV, 43.1 — 294 г.). Однако это принципиальное положение осуществить практически было невозможно. В 329 г. император Константин разрешает продавать своих детей родителям только *propter nimiam paupertatem* (CTh, V, 10.1 — CJ, IV, 43.2).

За родителями сохраняется право их выкупа. Обрацует на себя внимание не особенно благоприятное отношение законодателя к интересам выкупающих родителей: они должны были выплатить не прежнюю цену, которую получили, допустим, даже с какой-либо добавкой, но прямую рыночную цену своего ребенка на данный момент или дать взамен этого ребенка раба⁸⁴. Кстати сказать, данный закон является лишним подтверждением подлинно рабского состояния проданного ребенка, если за него официально требовалось возмещение рыночной цены или прямая отдача взамен раба (*aut mancipium pro huiusmodi praestet*).

Упоминание не только о выкупе, но и замещении рабом в известной мере свидетельствует не только о возможности наличия раба, т. е. возможности изменении материального положения его родителей, но также и об учете желания владельца ребенка получить взамен не возмещение — цену, а именно раба⁸⁵. Возможность изменения материального положения массы бедствующих свободных в лучшую сторону была, судя по всему, не правилом, а исключением, и, следовательно, большая часть проданных в рабство детей, очевидно, так и продолжала оставаться в нем, пополюняя число взрослых рабов.

О росте значения этого источника в V—VI вв. свидетельствуют изменения, внесенные в закон Константина при включении его в Кодекс Юстиниана. Прежде всего, расширяется сфера действия этого закона. Ранее адресованный жителям Италии и, следовательно, могущий рассматриваться лишь как косвенно относящийся к другим провинциям, он теперь прямо адресуется всем жителям империи — «провинциалам» (*provincialibus suis*. — CJ, IV, 43.2).

Характерно, что уже в эпоху Феодосия предпринимаются известные попытки ограничения прав купивших. Эдикт Феодосия от 391 г. (CTh, III, 3.1) разрешал родителям при определенных условиях возвращать

⁸² CTh, XI, 27.1 (315 г.); XI, 27.2 (322 г.); V, 10.1; CJ, IV, 43.2 (329 г.); CTh, III, 1 (391 г.); Nov. Valentin, XXXII, 1 (451 г.).

⁸³ CJ, IV, 43.2; *venditione in hoc tantummodo casu valente emptor obtinendi eius servitii habeat facultatem*; З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 3.

⁸⁴ Последнее положение не исключает как возможности изменения материального положения родителей к моменту выкупа, так и того, что ребенок мог быть продан в рабство при наличии у семьи по крайней мере одного раба, необходимого для прокормления семьи.

⁸⁵ Ср. W. L. Westermann. Op. cit., p. 135.

обратно своих детей, не возмещая купившим даже затраченной на них суммы. По повелле Валентиниана III (для Италии), продажа детей считалась практически допустимой, если она была вызвана крайней бедностью, хотя юридически недействительной сделкой; но для получения своих детей родители должны были возратить покупную сумму с надбавкой 1/5 части в виде возмещения убытков. Т. е. и этот закон предусматривал возмещение и, видимо, для большинства исключал практическую возможность освобождения своих детей (Nov. Val. XXXII, 1 — 451 г.).

Характерно, что ни одно из этих «ограничивающих» постановлений не вошло в Кодекс Юстиниана. Юстиниановское законодательство прямо узаконивало и регламентировало продажу в рабство в случае крайней бедности родителей⁸⁶, стремясь, явно в связи с распространением подобной практики, придать ей официально оформленный характер во избежание могущих возникнуть при сугубо частных сделках сложных юридических конфликтов. Торговля детьми теперь разрешалась только через открытую продажу. Правда, закон расширил круг лиц, имевших право выкупа, не ограничивая его родителями. Выкупить себя из рабства мог и сам проданный или любое третье лицо, пожелавшее внести выкупную сумму⁸⁷. Однако в целом закон скорее свидетельствует о распространении продажи детей и ее более официальной регламентации, чем о свертывании, сокращении.

Законодательство Юстиниана более четко регламентирует и право продажи детей, сохраняя его только в отношении новорожденных. Запрещение продавать более взрослых, совершеннолетних детей нельзя объяснить только тенденцией к ограничению рабства.

Продажа совершеннолетних детей, видимо, широко практиковавшаяся ранее, запрещается родителям (СТh, VIII, 46.10 — 323 г.). Но отчасти, вероятно, не столько в силу какого-либо особого принципиального отношения к самому факту их продажи в рабство, сколько в связи с некоторым ограничением прав отца в семье. В законе говорится, что это имело место потому, что отцам «прежде полагалось право и власть над жизнью и смертью детей»⁸⁸. Теперь же в отношении совершеннолетних такая продажа не могла совершаться только волею отца (*patria potestas*). По-видимому, требовалось собственное согласие продаваемых, и, таким образом, продажа совершеннолетних свободных в конечном счете подпала под действие закона о самопродаже.

Окончание следует.

⁸⁶ СТh, V, 10.1; CJ, VI, 43.2 (329 г.)

⁸⁷ Г. Е. Лебедева. К вопросу об освобождении рабов в Кодексах Феодосия и Юстиниана. — «XXII Герценовские чтения. Исторические науки». Ленинград, 1969, стр. 187.

⁸⁸ CJ, VIII, 46.10.